

РУССКИЙ
ГУЛЛИВЕР

Алла
ГОРБУНОВА

Колодезное вино

Алла Глебовна Горбунова

Колодезное вино

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051053

Колодезное вино:

ISBN 978-5-91627-039-6

Аннотация

Алла Горбунова родилась в Ленинграде в 1985 г. Окончила философский факультет Санкт-Петербургского Государственного Университета. Лауреат премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2005 г.). Автор книги стихов «Первая любовь, мать ада» (2008 г.)

Содержание

Гензель и Гретель на пороге домика	5
«Я лист взяла...»	17
Огородная песнь	18
Возвращение	18
«О, чернозём, зачем расти...»	21
«Чучелко, чучелко...»	22
Огородная песнь	24
Соната из консервной банки	26
«Сосуд тумана и стекла...»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Алла Горбунова

Колодезное вино

Алла Горбунова родилась в Ленинграде в 1985 г. Окончила философский факультет Санкт-Петербургского Государственного Университета. Лауреат премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2005 г.). Автор книги стихов «Первая любовь, мать ада» (2008 г.)

Гензель и Гретель на пороге домика

(некоторые непосредственные
впечатления от явления Аллы Горбуновой)

...А как еще можно было бы назвать заметку о книге стихов, одно из первых стихотворений которой называется «Возвращение (королева гороха)»?

Здесь пахнет чем-то странно знакомым.
Чем-то? да это же пахнет домом!
— бледно-зелёными с жёлтым
ромбами, выцветшими на обоях
давным-давно.

И что, эти крупные грозди
цветов или ящериц, и лицо
одутловатой королевы гороха
нарисованы здесь
в самом деле?

Я их видела в детской постели,
а они по-прежнему здесь,

никуда не делись.

Слушай—послушай,
вспомнишь, забудешь, вспомнишь
всё, что случилось с тобою.

*Каким тёплым, знакомым сразу веет!.. каким тонким,
звёздным, детским...*

Но – последняя строка настораживает:

А к чёрту, а всё равно.

*– и, насторожив, не обманывает (как в падении, в уханы
вниз, сжимается сердце-вещун: так я и знал! ...): надкуси-ка
редисочку, помидорку, лакированный, полный – казалось бы
– спелого солнца стручок с этой грядки – и брызнет кровь:*

Я – мёртвый ребёнок, оставшийся дома,
пока ты росла, я не рос,
но королева гороха взрастила
огород из моих сухих слёз:
помидоры, редиску, укроп и картофель
вырастила, и вот
я теперь для тебя вполне съедобен, -
открывай-ка пошире рот!
Тело моё как христово тело,
так что дерзай и ешь,
ибо в мёртвом ребёнке присутствует сила,

которую ты возьмёшь.
Горше печали, слаще надежды
вспомнишь ты мой обед,
когда ты вернёшься сюда однажды
и навсегда.

«Королева гороха» – кто-то другой (Другой), та (тот), которая(ый) раздирает извне ногтями скорби плеву отъединенности, пробуждает живую реакцию, обнажённую (есть в народе более точное слово – «голимую») жизнь, отнимая, вроде бы, жизнь; и та (тот), к кому – посыл, к кому – мольба, претензия, жалоба, зов – всё тот же другой (Другой)...

Эммануэль Левинас в своём «Время и Другой» говорит так: «...Лишь через страдание, через отношение со смертью съезжившееся в своём одиночестве существо оказывается в области, где возможна связь с другим». Новая книга стихов Аллы Горбуновой – видится мне, об этом; нет, не так: эта книга, создание содержащихся в ней стихотворений, – само это обретение связи с Другим (по крайней мере, мучительные подступы к такому обретению).

Признаться, начать писать эту заметку мне было трудно: человек Алла Горбунова (в реальной жизни я видел ее два раза, и время от времени встречаю в пространстве Живого Журнала) привела меня в недоумение, с тем же привкусом нетерпения и досады, какой ощущают иные, вззирающие на кубик Рубика. Именно «взирающие», я сам – из вззира-

ющих на эту известную головоломку, не из составляющих, никогда не мог собрать в цельности ни одной стороны. Вроде всё просто: одна сторона – тоненькая изящная петербургская девочка, умно молчаливая, любящая, конечно же, стихи и красивые пейзажные фото (это только на первый взгляд, на второй – такое впечатление исчезает напрочь); другая сторона – инфант террибль (сама Алла как-то в ЖЖ-разговоре обмолвилась о себе, – применительно к литературной среде, но не суть, – примерно так: я – рысь, меня плохо принимают, и я одна брожу по лесам. Вспомните рысь: как она неизящна! как невзрачна, усата, комковата! это вам не мультяшная багира, никакой сексапильной нарочитости и грации напоказ! грация рыси – угловатая грация подростка, все подчинено обыденной реальной задаче: убить, чтобы как-то выжить, продолжать длить в чаще леса своё недоступное досужему взгляду натуралиста существование. Какова, говоря языком современной светской тусовки, гендерная ситуация рыси?... – то-то и оно: не поймёшь; о том, что лирический герой Горбуновой не девушка и не юноша, а «иной», написал автор рецензии на её книгу «Первая любовь, мать Ада», и вот он, образ Гензель и Гретель: это единый ребенок, единый страдающий, потерявшийся в чаще данности мира, ищущий Другого, человек, живущий внутри поэта); третья сторона кубика раскрашена в пандан второй, но как бы совсем другим цветом – поэт мощного дыхания, отточенного слога, прямой угловатой

*открытой ясной (вот сколько эпитетов приходит сразу!)
огненной цветаевской потенции; если у кого при поминании
Горбуновой возникнет расхожий образ «петербургская поэ-
зия», то уточню: да, петербургская по степени насыщенно-
сти поэтической культурой, но виньеток Росси, фонтанов
Петергофа и туристического флера белых ночей вы в этих
стихах не встретите – скорее, встретите силуэты забро-
шенных заводов Петроградской стороны, стены в гафффи-
ти, сырую нефть верфей —*

*летний обморочный город.
мой рай, райские птицы щебечут в твоих садах.
мимо депо и фабричных зданий
автобус въезжает в закат*

дикие карельские буреломы —

*череп лесной, оградённый хвоей,
с нетопырём, неясностью, змеей*

гол городских окраин —

*распускает волосы какая-нибудь Катерина.
разжигают костры подростки, достают гитары.
подсаживаюсь, запеваю: «Афганистан, кровавый край...»*

*и везде, везде, на всех неведомых дорожках, увидите силу-
эт потерявшихся детей, Гензеля и Гретель, – они только*

*что тут проходили, они ищут Другого, убегая, прячась – от
кого?.. —*

среди общей тишины я вижу на дачной аллее ребёнка aka
подростка,
я вижу, как по белоснежной руке девственницы ползёт
муравей.
мы играем в классики, делаем куколок из травы, пьём
горькое молочко
одуванчиков, делаем бусы из красной рябины и
черноплодки,

/ но я вижу, что за спиной девственницы притаилась
старая-смерть-сама, как за весной – через лето и осень –
костлявую руку свою протянула зима /

*И, наконец, четвертая грань: девушка-философ, в бук-
вальном смысле – выпускница философского факультета
Санкт-Петербургского университета; поверьте, она знает,
что «Другой» – не только интимное имя Того, кого ищут в
лесу ее Гензель и Гретель, но и, скажем, философская кате-
гория, и может профессионально оценить сказанное по по-
воду этой категории выдающимися мыслителями, от Пла-
тона до Бибихина. К счастью, эта напитанность мировой
культурой, в том числе культурой философской мысли, в
стихах Горбуновой незаметна, никак не рекламирует себя,
нигде не «торчит»; два варианта: либо стихи так мастер-*

ски изошренно сделаны, что не видно швов — либо это свойство поэта, глубокая органичность музыки, свойство взгляда, крови, речи пишущего ; я лично склоняюсь ко второму варианту —

мальчик с ангелом в мраморных руинах,
вокруг пепелище мира лежит, как скатерть.
и мальчик отвечает: как найду и чего искать мне?
как собрать мне целое, большее, чем его части?
ангел отвечает: с хозяйкой льдов не вступай в поединок,
не составляй на зеркале разума фигуры из льдинок,
но заставь их танцевать, и ты выйдешь из-под её власти,
и льдинки сложатся в слово «вечность», разделив твоё счастье

Четыре грани кубика Рубика, вполне отчётливые и обусловленные, — но никак не сложить воедино, в один плоский понятный стереотипный цвет, хотя бы одну: грани переплетаются, взаимопроникают, составляют сложный четырёхмерный рисунок, дышащий в живом пространстве стиха, — мир души поэта, живой человеческий мир, не укладываемый в прокрустовы ложа линейных определений...

Современные критики , кураторы российских поэтических процессов, то там, то сям воспаляются: как много ныне в России стихов — но где поэты!... где то, о чем сказано: «дышит почва и судьба», где личности, где живая кровь, которой кто-нибудь бы да расплатился бы за вещь-

ство стиха!... Да ладно тебе, друже мой критик. Из века в век – поэзия жива, в России по крайней мере – уж точно, потому что живы – поэты, и кровь-строительница хлещет в их стихе скрепляющим времена и смыслы веществом: книга стихов Аллы Горбуновой тому доказательство, приходи и виждь.

...В подобного рода заметках как-то так принято – обильно уснащать текст цитатами из сборника; вот уж чего не хотелось бы мне делать: перед вами – книга стихов, читайте – стихами всё сказано!... Но , грешник, всё же не удержусь, чтоб не процитировать еще одно стихотворение Аллы Горбуновой, причем – почти целиком:

(апокалипсис)

апокалипсис в русских полях.
на горизонте гнева —
обещанье Рая.
– Царствие Небесное человек способен
на земле построить,
в русском поле,
на русской земле, – сказал безумец.
в поле цветущей гречихи
упало зерно слов безумца
и умерло, и воскресло, и принесло плоды.
мы – гречиха, овёс, рожь и пшеница,

в стрелах наших колосьев звенят тишина и ветер,
ржанные корольки и полёвки – братья наши и сестры.
благословенны комбайны и зерноуборочные машины!
мы – апостолы новой земли и нового неба,
наши тела наполовину из железа, наполовину из хлеба,
мы – дети Толстого, Достоевского, дети причастия и
анафемы,
но сами того не знаем,
и каждый из нас отрекался от образа и от Рая.
мы – революционеры, с нами – крестьянин, рабочий и
медведь-молотобоец.
мы – сновидение Николая Фёдорова, сновидение России
о России.
мы – сыны погибели, обречённые, проклятые,
капли дождя, которые плоть её возлюбленную оросили,
капли крови, которой оплачена эта шестая мира на карте,
капли пота, которым пропитано это бесконечное поле
пахоты.
мы – христиане.
вы не видели таких христиан.
мы – коммунисты.
мы вышли из сектантских радений, скопчества и
хлыстовства.
– в Царствие Божие человек должен
войти не один,
а всей деревней,
всей русской землёй,
всем миром, – сказал безумец.
мы любим друг друга.

вы не видели такой любви.

мы – братья.

мы – воины в тысячелетнем походе сил света против сил тьмы.

в бедре брата моего и горле сестры моей —
наконечник стрелы.

мы умираем за правду.

(как больно, участвуя в Битве Судьбы, которой не
избежать,

понять, что силы тьмы – это ты и есть!

с кем я? кто я? неужели я – это тьма?..)

но в этой битве – так ли важно, кто за кого,
как на любой войне,

ослепительна тьма,

тёмен свет,

когда сливаются тело и тело, жизнь и смерть, стон и хрип,
сабли травы вонзаются в плоть взмыленного коня,

и атеисты вспоминают про Бога,

и молится снайпер перед тем, как спустить курок,

и нательный крестик кладёт себе под язык,

и нажимает, и – попадает в цель.

(и ангел-хранитель похлопывает его по плечу.

это как в детстве: ребёнок играет в дартс.

попал – и ему говорят: молодец, зачёт.

попал, и ещё попал, молодец, удар).

*Ого себе, подумал я, прочтя! вот так кубик Рубика, –
сколько же в нём граней!...*

Читая это стихотворение, так и видел я пред глазами –

посты разных витий из Живого Журнала, историсофские, религиоведческие, политические и пр.; отдельные словоблоки приведённого стиха – почти банальны, узнаваемы с первого раза, типичны для тех или иных сторон громокипящих интернет-споров; русские мальчики-девочки по-прежнему несут неусыпающий караул у дискуссионных столов в подпольных медийных пивных, делят бесконечный полилог: как России быть? кто мы есть откуда пошли и камо грядём?... И вот из этих, так сказать, заголовков передовиц – составлен приведённый стих. Ни одного неузнаваемого слова, ни одной ранее неназванной мысли. Да, всё это – штампы, сиречь – плотные пробки, тромбы.

Это – камни преткновения в кровеносной системе поэта, без свободного тока крови в которой он не может жить, не может дышать... И поэт, отчаянно болеющий – своим прошлым и предстоящим, своей собственной историей как спрессованной массой сиюминутных человеческих ситуаций, полувслепую нащаривающий общечеловеческие и общероссийские корни своих метастаз, нащупывает, диагностирует, бесстрастно определяет эти тромбы – и выталкивает их вон, оmyвая их горячим током своего выстрадавшего поэзиса... «Да! скажете вы. Гражданская поэзия, мы понимаем! ...но – не женское это дело... а им дано гадая умереть...» – простите, вы упустили из виду вышесказанное: рысь, неловкая смертоносная рысь. Как дышит, так и пишет, – попробуй оспорь.

...А Гензель и Гретель – идёт (именно так – «идёт»), в поисках Другого, того, о ком помянутый нами Левинас спросил: «Кто обнаруживает себя под именем «быть»?».

И, мнится мне, прочтя до конца книгу стихов Аллы Горбуновой, мы видим ищущего – уже на пороге. На пороге того самого сказочного домика; и этот ход сюжета всем знаком, – знаком, да... как сказать.

Я, например, вижу ищущего Аллы Горбуновой не вне, а внутри домика; на пороге – но с той стороны: стоит толкнуть дверь – и он окажется не в объятьях пожилой выжившей из ума ведьмы, но – на свободе.

Дверь ведет не внутрь, но – наружу, прочь из Платоновой пещеры; к Другому – Тому, Кто любит и ждёт нас; и – верю – дожждётся.

Сергей Круглов

«Я лист взяла...»

Я лист взяла,
но руку
мне судорогой вдруг свело,
и кто-то говорит:
забуди свою науку.
Вот этот лист —
но этот лист
на самом деле лист?
Он – время, свет, вода,
кора и целлюлоза,
сегодня он зола,
а завтра он стекло,
младенец он, и агнец, и телец,
tabula rasa, медь
и мягкий лён.
Смотри, листу
на твоём письменном столе,
легче сгореть,
чем быть определённым.

И вспыхнул, и исчез.

Огородная песнь

Возвращение (Королева гороха)

1

Здесь пахнет чем-то странно знакомым.
Чем-то? да это же пахнет домом!
— бледно-зелёными с жёлтым
ромбами, выцветшими на обоях
давным-давно.

И что, эти крупные грозди
цветов или ящериц, и лицо
одутловатой королевы гороха
нарисованы здесь
в самом деле?

Я их видела в детской постели,
а они по-прежнему здесь,
никуда не делись.

Слушай–послушай,
вспомнишь, забудешь, вспомнишь
всё, что случилось с тобою.

А к чёрту, а всё равно.

2

Пленница детских комнат,
засыпай, не знай и не помни:

тебя никогда не звали, не гнали,
не били, не любили, не хотели,
не трогали, не прятали, не искали,
не видели, не слышали и не знали,
а потому засыпай – никто не укусит с краю.

Засыпай – и я тебя скрою,
засыпай – я буду с тобою,
я не сплю, я помню, я знаю.

3

Я – мёртвый ребёнок, оставшийся дома,

пока ты росла, я не рос,
но королева гороха взрастила
огород из моих сухих слёз:
помидоры, редиску, укроп и картофель
вырастила, и вот
я теперь для тебя вполне съедобен, —
открывай-ка пошире рот!
Тело моё как христово тело,
так что дерзай и ешь,
ибо в мёртвом ребёнке присутствует сила,
которую ты возьмёшь.
Горше печали, слаще надежды
вспомнишь ты мой обед,
когда ты вернёшься сюда однажды
и навсегда.

«О, чернозём, зачем расти...»

О, чернозём, зачем расти
испив моей души ты хочешь,
тешась,
тонкое гибнет, грубое густеет,
и мякоть нежная прекрасных корнеплодов,
о, чернозём, песок и глина,
отпусти
морковь, редис и репу
на свободу.

Гряды вовек не опустеют,
но кровью землю удобрять,
пеплом, сердцами и мозгами,
зверями и богами будут люди:
так нужно строить собственное тело
из тел животных, съеденных растений,
плести себя из нитей и волокон,
и убивать прекрасную корову
и курицу прекрасную. Так плоть
питается,

НО СОКОЛ
расклёвывает клеть.

«Чучелко, чучелко...»

Чучелко, чучелко —
палка и пальто,
сойки со смеху упали,
землянику поклевали,
но берёзовый обтёсок —
очень страшный отморозок
по имени Бука
их напугал зато.
Но они потом прилетели снова,
ведь надо
землянику кому-то клевать
из сада,
поросшего былью,
то есть тем, что растёт само:
быль-то сорняк,
это сказочку надо придумать,
а быль
нарастёт кое-как,
словно пыль
на вещах,
ведь быль это: боль,
папоротник, звездчатка,
жёлтая плёнка в ржавой бочке,
разрастающиеся деревья,
бледный мох на пальто у пугало,

обтёсок Бука, ставший трухой,
а сойки клюют одичалую землянику,
как будто время
растворяет землю
безмятежной
рукой.

Огородная песнь

— Огородники, дачники, садоводы, пахари, оратаи,
крестьяне,
берите лопаты и вёдра, идите на нашего брата,
копайте для супа, и заготовок зимних, и торговли на
рынке,
и ты, бабка, продашь нас и купишь бутылку водки,
а мамаша поджарит нас на сковородке, ибо
новая осень приходит, и время страды:
мы созрели и плоды наши от земли и съедобны,
новая осень приходит, и новое время,
да будет же оно добрым.

Дух картофеля ночью гулял на картофельном поле
и видел: раскинулась ботва на четыре стороны ветра,
а в земле картофель глядел молодыми очами,
и на всех огородах устроили бал прощанья,
осени и последних плодов, выращенных человеком,
а в Новом Свете генетически модифицированная соя
знала: пришло её царство, и плавится пластик,
новая осень приходит, и новое время,
и это последний праздник.

Но старые добрые овощи: кабачок кабацкий, огурец-
молодец,
крепкая репка и славная брюква, и огородники,

фермеры,
старики и старухи старой земли и последние гномы
водили хороводы среди грядок, от корнеплодов добрых
опустевших и голых: земля отдала всё, что было,
все соки свои и хлеба, всю любовь и силы,
и целовались прощально в пляске лопат и вёдр
кабачок, огурец, репка и славная брюква,
Матфей, Иоанн и Пётр.

Соната из консервной банки

1

господи, взываю к тебе из консервной банки:
*вели ей жезлом аароновым расцвести -
садами в жестяных лучах и клёнах.*

— я и сам жестяной,
и все вокруг жестяные клоуны,
в общем дела у меня примерно, как в танке,
то есть в консервной банке,
одним словом —
жесть.

гадал я и думал глупую нервную думу:
изнутри иль извне,
извне иль изнутри,
так ничего не понял.
серебряная рыбка умерла да и не воскресла.
должен я додумать проклятую думу,
чтобы больше никто не умер, а, кажется, не успею.

ах вы такие-сякие жестяные клоуны,

что вы мешаете мне делать мою работу
огненную, мою работу
истинную, мою работу
единственную!

но то, что вы вытворяете, механические барабашки,
кончится с великим открытием открывашки!

2

де профундис, как говорят, если ты
в консервной банке нюхашь жестяные цветы, —
это как нюхать цветы в противогазе,
как говорят в спецназе.

но когда к жестяным клоунам
нисходит Мария
и проходит меж них, наставляя ружьё, —
я первый, кто
 подойдёт под выстрел.

играешь Ты в кости и держишь пари
с чёртом-жестянщиком, ушлой свиньёй,
что в последний момент перед спуском курка
с ухмылкой закинет меня на выскирь.

господи, взываю к тебе из консервной банки:
вели псалмом давидовым ей цвесть —
мольбой и песнью.

— и Твоим ножом
открой её,
и жестяную острую корону
сними с меня,
и замени шарниры
на сухожилия.
блажен,
кто видит в банке раны ножевые,
но и от банки —
рану на ноже.

«Сосуд тумана и стекла...»

Сосуд тумана и стекла —
прозрачна в сумерках земля.
Она – эпическая песнь
индейцев, предков, облаков
во время оно, время родов
горных пород и русел рек,
когда вода свой путь торила
внутри пещер и ледников

и выходила, обрываясь
с высоких скал, когда вулканы
вскипали лавой, и горели
большие трещины в земле,
во время оно, время родов
пустынь и моря, человек
мог стать звездой или травой
и обратиться в игуану.

Во время оно, когда боги
сражались, время сыновей
встававших на отцов, готовых
пожрать рождённое дитя,
когда на смену скудным травам
и камню появился лес
из можжевельника и граба,

полный невидимых зверей

и насекомых, где на ели
клёст вышелушивает семя
из шишки маленькой, где много
ником не узнанных растений,
во время оно, время первых
на побережьях поселений,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.